

УДК 091 (124.5)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА ТРЕВОГИ

В. П. Щенников, О. Н. Белоглазова

AXIOLOGICAL ASPECTS OF ANXIETY GENESIS

V. P. Shchennikov, O. N. Beloglazova

В статье дается характеристика тем аксиологическим (ценностным) аспектам, которые актуализируют тревогу. Одним из таких выступает неотвратимость решения ценностных дилемм и сопутствующая ответственность. Делается акцент на индивидуальные различия в чувствительности и толерантности к фрустрирующим факторам.

The article describes the axiological aspects that actualize anxiety, such as the inevitability of solving to value dilemmas and the attendant responsibility. Individual differences in sensitivity and tolerance to frustrating factors are stressed.

Ключевые слова: тревога, ценности, фрустрация, экзистенциальные данности, ответственность.

Keywords: anxiety, values, frustration, existential givens, responsibility.

Для нашего исследования важно отметить, что генезис тревоги обусловлен присущей социальному бытию человека необходимостью осуществлять выбор, разрешать ценностные дилеммы. Исследование феномена тревоги, аксиологических аспектов ее генезиса способствует исследованию механизмов регуляции социального поведения человека, что представляется весьма актуальным на сегодняшний день.

Проблема свободного выбора является одной из центральных проблем экзистенциализма. Именно в контексте экзистенциализма аксиологические проблемы проступают отчетливее и заостряются. Неотвратимость ценностной дилеммы порождена той свободой, в условиях которой «обречен» жить человек. Выбор, осуществляемый человеком в условиях свободы как экзистенциальной данности, это выбор не только одной из альтернатив, но вместе с тем выбор ценностей, определяющих эту альтернативу. Необходимость выбирать ценностную основу, регулиующую решения, инициирует тревогу, т. к. опора на те или иные ценности и их присвоение неизбежно сопряжены с ответственностью. Тревога проявляет себя в различных модусах и социальных масках вне зависимости от полноты осознания ответственности.

Сознание человека ищет объект, ссылаясь на который в своем выборе, можно было перенести и ответственность за решение. Такими опорами выступают религиозные и политические лидеры, деятели культуры и другие авторитеты. Ж.-П. Сартр отнимает у человека и эту последнюю лазейку, говоря о том, что у человека нет возможности переложить ответственность за те ценности, которые он избрал для себя как руководящие, т. к. авторитетный источник человек тоже выбирает сам. Можно ли в таком случае представить какой-либо выбор, решение вне переживания тревоги?! Французский экзистенциализм в лице Ж.-П. Сартра и А. Камю провозглашает: «Человек – это тревога».

Категорический императив Канта также звучит вполне в духе экзистенциальной традиции. Предписывая человеку оценивать всякий свой поступок как «императив», как закон для общества, Кант тем са-

мым обрекает человека на тотальное осознание ответственности за себя самого, и не только перед самим собой, но перед обществом. Такое осознание не может быть лишено тревоги. Перед человеком ставят задачу нравственного выбора, когда нужно решить вопрос не столько и ситуационном поступке, сколько о выборе того или иного регулирующего принципа.

Из сказанного можно заключить, что в генезисе тревоги имеют место такие переменные, как неотвратимость в условиях свободы выбирать для себя регулирующие морально-нравственные принципы и необходимость в полной мере нести ответственность за собственные решения.

Ценности составляют часть формирующегося мировоззренческого каркаса и служат удовлетворению фундаментальных потребностей (Э. Фромм). В первую очередь, следует сказать о потребности в системе ориентаций. Фундаментальные потребности порождаются в условиях конфронтации сознания с экзистенциальными данностями: смерть, свобода, отсутствие универсального смысла, изоляция (И. Ялом). Таким образом, можно сказать, что ценности выполняют опорную, конституирующую функцию, определяя смысл, цели, потребности и мотивы человеческой деятельности: «Ценности, как координаты человеческого мира способствуют его устойчивости, организуют целенаправленную человеческую деятельность» [1, с. 423].

Ценности не функционируют разрозненно и хаотично, они включены в динамическую систему и иерархически организованы. Ценности конкретизированы в широком спектре социальных потребностей.

Источником тревоги является неизбежная конфронтация сознания с экзистенциальными данностями. Именно поэтому тревога имманентна бытию человека и латентно присутствует на периферии сознания. Избранные ценности, включенные в общую систему ориентаций (мировоззрение, картину мира), работают на удовлетворение одной из фундаментальных потребностей (Э. Фромм) и таким образом призваны защищать сознание от хаоса, дезин-

теграции и разрушения. Угроза инфляции значимых ценностей не всегда столь очевидна, чтобы сознание человека своевременно выставило другие защитные процессы. Маркеры инфляции или конфликта ценностей скрыты в общем потоке социальной информации, но все же улавливаются и актуализируют тревогу.

Самым мощным источником информации выступают СМИ. Преобладание в телеэфире фильмов со сценами убийства и насилия подрывают ценность человеческой жизни. Телепередачи, имеющие политическую направленность, демонстрируют конфликт реальных (интроецированных личностью того или иного политика) ценностей и декларируемых, звучащих в лозунгах, призывах и т. п.

Наиболее острая чувствительность к маркерам инфляции или конфликта ценностей наблюдается в сфере межличностных отношений, где сами отношения между людьми могут представлять субъективную ценность (коллегальное партнерство, дружеские, интимные отношения и др.).

В сфере межличностных отношений также имеет место и когнитивный диссонанс (как ценностная дилемма при выборе поведения), и ценностный конфликт (как основа конфликта межличностного), и инфляция ценностей (подрыв авторитетов, протест, игнорирование и т. п.). Именно социальное поведение является носителем маркеров перечисленных угроз, т. к. регулируется интроецированными (принятыми личностью) ценностями и реализует актуальные социальные потребности.

Обнаруженный ценностный конфликт (инфляция, диссонанс) актуализирует тревогу, т. к. под угрозой оказываются не только значимые отношения, но и удовлетворение фундаментальных потребностей.

В качестве вывода отметим, что угрозы инфляции ценностей и разного рода когнитивные диссонансы имеют внешний социальный источник. Это значит, что сознание человека пребывает в конфронтации с экзистенциальными данностями, проецированными в его социальное бытие, и аксиологические аспекты генезиса тревоги детерминированы всецело социальными факторами.

Сознание каждого человека универсально в своей уязвимости к угрозам, имеющим своим источни-

ком конфронтацию с экзистенциальными данностями. Но сознание каждого человека индивидуально в своей чувствительности и толерантности к тому или иному типу угрозы. Столь же различны и защитные процессы, оберегающие сознание от дезинтеграции и утраты других его существенных характеристик. Генезис ценностей подвержен влиянию названных выше факторов: чувствительность к той или иной угрозе, толерантность и комплекс защитных процессов.

В работе Ф. Римана представлены «Основные формы страха», в характеристике которых можно усмотреть потребность, связанную с той или иной угрозой для сознания. Типология «основных страхов» Ф. Римана является вместе с тем типологией защитных стратегий, которые формируются с раннего возраста и остаются достаточно устойчивыми на протяжении всей жизни индивида. В основе защитной стратегии два взаимообуславливающих элемента – это доминирующие фундаментальные потребности и ценностные ориентации. До тех пор, пока удовлетворяются фундаментальные потребности и ценностным ориентациям не угрожает инфляция, удерживается оптимальный динамический баланс, переживание тревоги остается латентным, фоновым.

Эти угрозы и потребности, с ними связанные, поляризованы, и могут быть представлены двумя континуумами.

1. Автономия – Слияние.
2. Изменение – Стагнация.

Оба континуума предполагают широкий спектр чувствительности к представленным в нем угрозам. Близкие к полюсам позиции отражают крайне острую чувствительность к угрозе и предельно острую необходимость в обеспечении толерантности к этой угрозе, которая достигается удовлетворением потребности, расположенной на континууме в противоположном полюсе.

В названных континуумах каждый из двух полюсов одновременно выступает фундаментальной потребностью для одних индивидов и угрозой для других. Сделаем попытку представить сказанное в целом.

Таблица 1

Континуум «Автономия – Слияние»

	<i>Автономия</i>	<i>Слияние</i>
Как фундаментальная потребность.	Чувство тождественности и индивидуальность (Э. Фромм).	Приобщенность (Э. Фромм), укорененность и братство (Э. Фромм) в объекте поклонения.
Как ценности.	Независимость, самостоятельность, самодостаточность, уникальность и исключительность, высокие индивидуальные достижения, конкурентоспособность.	Любовь, привязанность, близость.
Как угроза для «Я». Угроза фрустрации фунда-	Переживается как угроза эмоциональной привязанности, близости,	Переживается как угроза утраты значимых отношений, изоляции,

ментальной потребности и инфляции ценностей актуализируют тревогу.	единения, уравнивания.	одинокости, расставания, утрата части самого себя.
Социальные контексты (примеры проявления защитной стратегии).	Дистанцирование, индивидуализация, обособление, непроницаемость границ субъективного мира, независимость, самореализация.	Близкие отношения с людьми, единение, включенность в группу, симбиотические отношения по типу мать-ребенок.

Потребность в обособлении и автономии.

Потребность фрустрируется, если нарушаются границы индивида, если требуется самоотдача, растворение в другом, если нарушается автономия личности. Тревогу вызывает фрустрация потребности, которая расценивается индивидом как субъективная, внутренняя опасность, угрожающая целостности и интегрированности своего «Я». «Жизнь этих людей связана с повышенным стремлением к самосохранению. Стремления направлены прежде всего на сохранение независимости и самоудовлетворение. Быть независимым, не нуждаться ни в чьей помощи, не быть никому обязанным имеет решающее значение. Поэтому он дистанцируется от других людей, не позволяет приближаться к себе, стремится к отграничению. Нарушение этой дистанции расценивается им как угроза его жизненному пространству, как опасность для его независимости и целостности его личности и вследствие этого пресекается [2, с. 208].

Потребность в слиянии с другим и самоотдаче, в нивелировании границ. Удовлетворение потребности нарушает всякое расставание, утрата, игнорирование, отстраненность и дистанция со

стороны значимого человека. Тревогу вызывает все то, что изнутри или снаружи препятствует слиянию с другим; все то, что разделяет, изолирует, дистанцирует.

Для человека с потребностью в слиянии преобладает самоотвержение и самоотдача в ущерб потребностям становления своего «Я». «Первичным следствием этого является то, что партнер ... (такой личности) становится сверхценным объектом. Любящая самоотверженностью стремится посвятить себя партнеру и без связи своего существования с другим человеком невозможна. Отсюда устанавливается и распространяется зависимость, которая является их центральной проблемой...» [2, с. 229]. Тревогу актуализирует вероятность утраты, изолирующее дистанцирование, неизбежным следствием которых становится переживание своей незащищенности, покинутости, уязвимости. Такая чувствительность к риску утраты формирует сильную эмоциональную привязанность, наделяет отношения с человеком особой ценностью и заставляет искать неограниченной близости, создавать крепкие узы.

Таблица 2

Континуум «Стагнация – Изменение»

	<i>Стагнация (постоянство)</i>	<i>Изменение</i>
Как фундаментальная потребность.	В системе ориентаций (Э. Фромм).	Преодоление и созидательность (Э. Фромм).
Как ценности.	Порядок, контроль, традиции, стабильность, предсказуемость, определенность, опыт, прошлое, вечное.	Новизна, свобода, креативность (творчество), инициативность.
Как угроза для «Я» Угроза фрустрации фундаментальной потребности и инфляции ценностей актуализируют тревогу.	Хаос, изменчивость как течение времени и преходящий характер всего живого (неизбежность собственной смерти).	Окончателность, ограниченность свободного волеизъявления, последовательность и закономерность (неизбежность собственной смерти).
Социальные контексты (примеры проявления защитной стратегии).	Коллекционирование, тщательное внимание к порядку, консерватизм, непоколебимость собственных взглядов или мнений авторитетного лица.	Игнорирование формальностей, рамок и социальных ограничений, пренебрежение порядками и традициями, новации, творчество, гонка за новыми впечатлениями.

Потребность в сохранении постоянства и стабильности порождает стремление в человеке препятствовать изменениям, оставить все по-прежнему. Остановить изменения или перестать замечать их. В таком случае опасность представляет собой все то, что изнутри или извне указывает на преходящий характер, на временность и текучесть.

«Все, что движется к окончанию, напоминает им о преходящем и в конечном счете о смерти. Без постоянного собственного и постороннего контроля может наступить угрожающий им хаос, что для наступления такой ужасающей неупорядоченности достаточно лишь немного расслабиться, отпустить

вожжи, стать более открытым чужим влияниям и более податливым» [2, с. 249].

Люди, с такой потребностью интроецируют соответствующие ценности, обеспечивающие им иллюзию контроля над временем (постоянство, порядок, традиции и т. п.). «Когда все остается таким, как есть – вещи на письменном столе, порядок расположения которых священен, мнения и суждения, имеющие силу закона, моральные установки, застывшие и навсегда классифицированные, теории, неоспоримые, как аксиомы, вера, непоколебимая и абсолютная, – то кажется, что время остановилось» [2, с. 252].

Противоположный полюс – потребность в неограниченном проявлении своей воли вне порядка, вне закона, причинности. Тревогу вызывает необходимость признания факта причинно-следственной связи событий, явлений, признание существующих ограничений проявлений своей воли. «Гарантирующим безопасностью способом таким личностям представляется жизнь, при которой принимается во внимание лишь мгновение без всяких предыстории и последствий. Именно их нетерпеливость, их любопытство и неотягощенность прошлым иногда дают им шанс видеть и охватывать то, что недоступно другим, и тем самым расширять границы нашего познания и наших возможностей. Они

смотрят на жизнь с отвагой и своеобразием авантюристов, и смысл жизни для них заключается в том, чтобы она была богатой, интенсивной и изобильной» [2, с. 252].

Приведенные таблицы и комментарии к ним свидетельствуют о том, что защитные стратегии имеют в своей основе тот или иной набор ценностей, соответствующий актуальной фундаментальной потребности. Этот набор ценностей является организующим центром, регулирующим социальное поведение и направляющим его.

Принимая во внимание генезис тревоги, в том числе его аксиологические аспекты, мы имеем возможность найти способы и приемы оказания более щадящего, но при этом не менее эффективного воздействия на социальное поведение человека, а также скорректировать способы и приемы оказания социальной помощи и поддержки незащищенным слоям населения.

Литература

1. Краткий философский словарь / Г. Г. Кириленко, Е. В. Шевцов. – М.: АСТ СЛОВО: Политиздат, 2010. – 480 с.
2. Рима́н, Ф. Основные формы страха / Ф. Рима́н. – М.: Алете́я, 1999. – 336 с.